

Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики¹

Б.А. Хейфец

Хейфец Борис Аронович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (РАН); Россия, 117218, Москва, Нахимовский проспект, д. 32; bah412@gambler.ru; ORCID: 0000-0002-6009-434X

Аннотация

В статье анализируется роль современной геополитической фрагментации в регионализации глобального экономического пространства. Логика исследования построена на анализе изменений в теории регионализации в связи с тектоническими трансформациями в мировой экономике и политике. Выделен новый этап в развитии регионализма, который назван геополитическим регионализмом, и уточнена методология выделения типов регионализации мировой экономики. Более подробно рассматриваются такие типы, как традиционная регионализация, основанная на прямых договорных форматах экономической интеграции (интеграционная регионализация), которая обусловлена прежде всего экономическими факторами; регионализация, базирующаяся на макрорегионах и субрегионах (макрорегиональная регионализация), в которой доминирующим фактором является географическое положение; фрагментация, обусловленная политическими факторами (геополитическая фрагментация) и ведущая к разделению глобального экономического пространства на отдельные противоборствующие блоки государств. Рассматриваются различные методологические подходы к выделению геополитических блоков, в том числе используется новый критерий — геополитическое расстояние, которое показывает в первую очередь степень внешнеполитической близости или удаленности входящих в анализируемую группу государств. В отличие от других типов регионализации геополитическая фрагментация представляет собой серьезный вызов для мировой экономики, так как ведет к сворачиванию глобальных связей, кардинальному изменению сложившихся глобальных цепочек стоимости и ослаблению системы международного регулирования. Это требует постоянного мониторинга геополитической фрагментации и анализа ее новых проявлений, а также взвешенной научной дискуссии по данной проблематике.

Ключевые слова: регионализм, регионализация, геополитическая фрагментация, глобальное экономическое пространство, геополитическое расстояние, противоборствующие блоки

Для цитирования: Хейфец Б.А. Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 4. С. 7–22 (на русском языке). doi:10.17323/1996-7845-2024-04-01

¹ Статья поступила в редакцию 11.07.2024.

Введение

Тема новой геополитической фрагментации стала особенно актуальной в настоящее время в связи с кардинальными потрясениями глобальной экономики, которые связаны с обострившимися экономическими, финансовыми и технологическими войнами, вылившимися в крупнейшие санкционные противостояния, а также прямыми военными конфликтами. В таких реалиях неизмеримо возросла роль геополитики и усилилось ее влияние на развитие мировой экономики, важнейшим проявлением которого стала геополитическая фрагментация.

Геополитическая фрагментация привела к новому разделу глобального экономического пространства, стала трендом его новой регионализации. В то же время геополитическая фрагментация – не оригинальное явление в мировой экономике. Однако на современном этапе оно приобретает ряд качественно новых черт, отличающих его от геополитической фрагментации второй половины XX в., сравнение с которой напрашивается в первую очередь. Требуется осмысление реинкарнации данного явления, и оно нашло отражение в 2022–2024 гг. во многих авторитетных исследованиях экспертов МВФ, ВТО, McKinsey Global Institute, BCG, публикациях *The Economist*, NBER.

В то же время изучению влияния современной геополитической фрагментации на регионализацию мировой экономики в этих работах уделяется недостаточное внимание. Геополитическая фрагментация ускорила развитие таких системно значимых процессов, как суверенизация и стратегическая автономия, импортозамещение и т.п., которые усиливают воздействие на регионализацию глобального экономического пространства. Все они требуют переосмысления некоторых положений теории глобализации и регионализации мировой экономики.

Цель данной статьи – рассмотреть некоторые новые методологические подходы к изучению регионализации глобальной экономики, дать характеристику важнейшим типам регионализации, выделив отличия современной геополитической фрагментации как особого типа регионализации.

Методологические подходы к изучению регионализации глобального экономического пространства

В последнюю четверть века в научном сообществе преобладает мнение, что процесс регионализации мировой экономики идет параллельно с процессом ее глобализации. Изучение регионализации – важный инструмент для развития теории мировой экономики и комплексного анализа структуры и других специфических особенностей ее развития, а также выработки конкретных рекомендаций для практической политики как на межгосударственном, так и национальном уровне. Как не без иронии замечает О’Нил, регионализация, а не глобализация является экономической историей нашего времени. Она порождает разнообразие, способствует инновациям, повышает устойчивость и создает гораздо более сильную базу. Именно регионализация помогает объяснить, кто вырвался вперед, а кто остался позади [O’Neil, 2022].

Необходимость изучения влияния процессов регионализации на отдельные взаимосвязанные и взаимозависимые системы, межгосударственные объединения, ареалы, кластеры и другие локальные образования обусловлена тем, что подобный подход яв-

ляется важнейшим инструментом для всеобъемлющего понимания структуры и характера мировой экономики и международных отношений.

Данные соображения приобретают чрезвычайную актуальность в условиях сильной турбулентности, когда многократно возросла конфликтность и неопределенность экономического развития как на глобальном, так и на региональном уровне. Это обостряет научные дискуссии по данным вопросам. В частности, существуют противоречивые оценки взаимного влияния процессов глобализации и регионализации.

Одни исследователи считают регионализацию трендом, способствующим глобализации на региональном уровне или ведущим в перспективе к новому уровню развития глобализации за счет расширения и укрупнения отдельных звеньев, а в некоторых случаях слияния региональных интеграционных структур. Например, К. Милитару с соавторами, анализируя взаимосвязь между глобализацией и регионализацией, рассматривают регионализацию как важный вклад в развитие и масштабы процесса глобализации [Militaru, Athu, Zanfir, 2012].

У. Хаут отмечает, что во многих случаях глобализация и регионализация не являются противоположностями, как их обычно понимают, а, напротив, дополняют друг друга [Hout, 1996]. М. Тело утверждает, что регионализм и глобализация — это компоненты одного и того же исторического процесса усиления взаимозависимости и ослабления государственных барьеров на пути свободной торговли [Telò, 2001].

Другие авторы считают регионализацию тенденцией, противоположной глобализации. Так, И. Кучерова рассматривает регионализм как логическую защитную реакцию на процесс экономической глобализации, ограничивающей автономию национальных субъектов [Kučerová, 2008]. Подобной точки зрения придерживаются Ван Чжаохуэй и Чжицян Сун, отмечающие, что локализация и регионализация восполняют вакуум экономической глобализации, отступающей в последнее десятилетие [Wang, Sun, 2021]. Много сторонников этой позиции добавила современная геополитическая фрагментация, которая, как это будет показано в дальнейшем, противостоит глобализации.

Для понимания сущности регионализации необходимо уточнить ее отличие от регионализма. Некоторые авторы считают регионализм и регионализацию синонимами, однако ряд исследователей обоснованно различают эти понятия. Так, Б. Хеттне и Ф. Седербаум полагают, что регионализм представляет собой теорию и практику, направленные на интеграцию и сотрудничество в определенном региональном пространстве. Регионализм обычно ассоциируется с программой и стратегией и может привести к формальному институциональному строительству [Hettne, Söderbaum, 2000].

К. Ламбрехтс и К. Олден также отмечают, что регионализм — отражение политического проекта построения сообщества государств, а регионализация — региональное выражение глобальных процессов интеграции и изменения структур [Lambrechts, Alden, 2005].

Сходной позиции придерживается Хироюки Хосиро, определяющий регионализм как политическую волю к созданию формального соглашения между государствами на географически ограниченной основе, а его главными участниками являются правительства [Hoshiro, 2019].

А.Н. Спартак обозначает три этапа развития регионализма. Первый этап начинается с середины XIX в. и продолжается до 1940-х годов; он связан в основном

с формированием двусторонних таможенных союзов в Европе с сильной политической мотивацией. Второй этап совпадает с традиционным пониманием регионализации, начавшейся в 1950-х годах, а третий – мегарегионализм – отражает новые тенденции в его развитии, проявившиеся в 2010-х годах [Spartak, 2017].

Ф. Седербаум выделяет четыре этапа развития регионализма: ранний регионализм (с древних времен египетской, греческой (Александра Македонского), древней китайской империй до империй Гитлера, Муссолини и японской «Сферы совместного процветания Большой Восточной Азии»); старый регионализм (с конца 1940-х годов до начала 1970-х); новый регионализм (1970-е и 1980-е годы); сравнительный регионализм (с 1990-х годов) [Söderbaum, 2015].

Доминирующее положение на современном этапе развития мировой экономики занял сравнительный регионализм. Он нацелен на изучение и сопоставление развития отдельных регионов мира и сочетает подходы «старого» регионализма, или просто регионализма, рассматривавшего процесс регионализации как заданной сверху государствоцентричной модели, и «нового» регионализма, направленного на изучение процессов регионализации «снизу», которые во многих случаях дополняли или «перекрывали» друг друга [Mikhailenko, 2014].

В связи с увеличением числа многосторонних соглашений нового типа и обострением соперничества ведущих геэкономических акторов мировой экономики (США, Китая и ЕС) появилась концепция конкурентного регионализма, которая учитывает возможность участия в нескольких альянсах и новые принципы их организации на макрорегиональном уровне [Ji, 2021; Solis, Stallings, Katada, 2009; Teld, 2017].

Наконец, все более очевидно, что в настоящее время открывается новый этап в развитии теории регионализма, который может быть определен как *геополитический регионализм*, существовавший и в прошлом, но приобретающий в настоящее время принципиально иной масштаб и влияние на развитие мировой экономики. Современный геополитический регионализм можно определить как политику и стратегию, направленные на позиционирование в глобальном экономическом и политическом пространстве в соответствии с национальными интересами отдельных государств и интересами их политических союзников.

Специфику каждого типа регионализации определяет выбор доминирующих факторов регионализации (географических, экономических, институциональных, культурно-исторических, этнографических, военно-политических, идеологических, профессиональных и т.п.), что предполагает различные типы (модели) регионализации мировой экономики. По существу, любые классификации стран, принятые международными организациями, или их рейтинги (простые, агрегированные, официальные, авторские) могут рассматриваться с точки зрения регионализации мировой экономики, отражая отдельные аспекты ее развития.

В то же время для лучшего понимания проблемы целесообразно выделить три актуальные для регионализации глобального экономического пространства и вызывающие пристальное внимание экономических исследований типа регионализации:

1) регионализация, основанная на прямых договорных форматах экономической интеграции (*интеграционная регионализация*), обусловленная прежде всего экономическими факторами;

2) регионализация, базирующаяся на макрорегионах и субрегионах (*макрорегиональная регионализация*), в которой доминирующим фактором выступает географическое положение;

3) регионализация, обусловленная политическими факторами (*геополитическая фрагментация*).

Интеграционная регионализация

Большинство исследователей связывают развитие процесса регионализации мировой экономики с началом подписания региональных экономических соглашений, таких как зоны свободной торговли (ЗСТ), таможенные союзы и интеграционные объединения, которые характеризуются разным уровнем либерализации трансграничного перемещения отдельных факторов производства. Такого традиционного подхода придерживаются М. Китинг и Дж. Лафлин [Keating, Loughlin, 1997], Э.Д. Мэнсфилд и Х.В. Милнер [Mansfield, Milner, 1999], К.Дж. Кай [Cai, 2010], Дж.А. Френкель [Frankel, 1998], Б. Леви [Lévy, 2006], Г.М. Костюнина [Kostyunina, 2020].

Поэтому более других распространена точка зрения, согласно которой процесс интеграционной регионализации отчетливо высветился с 1950-х годов и значительно ускорился в 2000-е годы (рис. 1).

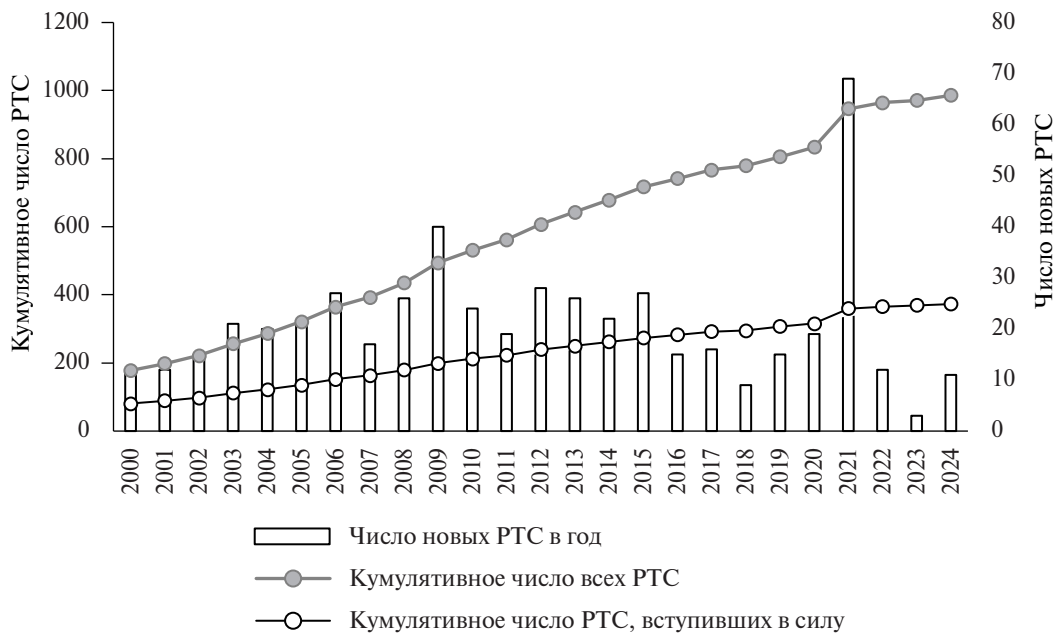

Рис. 1. Динамика региональных торговых соглашений (действующих или нотифицированных в 2000–2024 гг.) по состоянию на 1 ноября 2024 г.

Источник: составлено автором на основе данных [WTO. Regional Trade Agreements. Database 2024], <https://rtais.wto.org/UI/charts.aspx#>

Согласно данным ВТО, на начало 2024 г. зарегистрировано 605 региональных торговых соглашений (РТС). Правда, в силу вступили 369 РТС, из них в 1948–2000 гг. – 82 соглашения, то есть 22,2% от всех РТА. Таким образом, подавляющее большинство РТС (77,8%) заключено в последние 25 лет. После глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. темпы прироста действующих РТС замедлились. Исключением стал 2021 г., когда после ковидной паузы наблюдался резкий прирост в 44 соглашения. В 2022 г. прирост составил 6, в 2023 г. – 3, а за десять месяцев 2024 г. – 11 РТС. Все это позволяет говорить о некотором замедлении классической интеграционной регионализации мировой экономики.

Основу РТС составляют соглашения о ЗСТ (55,9%) и об экономической интеграции (34,1%). Это соотношение незначительно изменилось за последние восемь лет, прежде всего за счет роста доли соглашений об экономической интеграции, которая в 2015 г. составляла 30,9%, а у соглашений о ЗСТ – 56,4%. Уменьшилась доля соглашений о таможенном союзе: с 7,0% в 2015 г. до 5,2% на начало 2024 г.

Новой тенденцией в развитии интеграционной регионализации с середины 2010-х годов стала трансрегионализация. Она выражается в создании государствами, расположенными на разных континентах, объединений интеграционного типа, в рамках которых снимаются практически все тарифные и нетарифные барьеры для свободного движения товаров, услуг и инвестиций. Основным мотивом создания таких экономических объединений государств, располагающихся на разных континентах, является не территориальная близость и наличие общих границ, как это происходит в классических интеграционных объединениях, а общность экономических интересов и соответствующие межгосударственные договоренности [Kheyfets, 2019, p. 30, 32].

Первое трансрегиональное соглашение нового типа – Транстихоокеанское партнерство (ТТП) – подписали 12 государств 4 февраля 2016 г., а после выхода из него США в 2017 г. оно было переименовано во Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство (ВПТПП). В 2021 г. 15 государств после девятилетних переговоров подписали соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). Несколько трансрегиональных соглашений об экономическом партнерстве или о всеобъемлющей зоне свободной торговли было заключено Евросоюзом – с Канадой, Вьетнамом, Японией, Сингапуром; ЕАЭС и Вьетнамом, Сербией, Ираном, Сингапуром. Эти соглашения включаются в базу данных региональных торговых соглашений ВТО. И хотя их количество незначительно, серьезный торгово-экономический и технологический потенциал большинства из них определяет особую роль таких союзов в глобальном экономическом пространстве.

Еще одним вектором развития интеграционной регионализации может стать новый подход к международной экономической интеграции, который вводит понятие *накопительной интеграции*, объединяющей все разнообразные формы экономического взаимодействия заинтересованных в таком сотрудничестве государств, кроме основанных на правилах свободной торговли, действующих в классических интеграционных союзах [Kheyfets, 2023].

Самым ярким примером накопительной интеграции является китайская инициатива «Пояс и Путь», которая была поддержана более чем 150 странами и 30 международными организациями. Такой мощный географический охват обусловлен привлекательными условиями участия в данном проекте, для чего достаточно публично заявить о его одобрении, подписав соответствующий меморандум, не принимая конкретных обязательств, как это происходит в классических интеграционных союзах.

Среди других примеров накопительной интеграции можно назвать Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), в которое входят 19 стран и две территории; созданную по инициативе США в 2022 г. 14 государствами Индо-Тихоокеанскую экономическую структуру (ИТЭС); объединение БРИКС+, в которое с 1 января 2024 г. входят девять государств; Шанхайскую организацию сотрудничества; образованное в конце 2023 г. 12 странами Северной и Южной Америки «Американское партнерство ради экономического процветания», торговые и инвестиционные соглашения пяти стран Центральной Азии по модели «С5 + 1» с США, ЕС, государствами Персидского залива; соглашение о торгово-экономическом партнерстве четырех стран ЕАСТ и Индии и многие другие подобные союзы. Ряд из них обладает большим экономическим потенциалом и огромным влиянием в международных отношениях. Такие

объединения не учитываются в базе данных ВТО, хотя получают все большее распространение, так как не выставляют обязательные требования для участников, чувствительные для их национального суверенитета, но создают дополнительные привлекательные условия для взаимодействия на формальном и неформальном уровне.

Макрорегиональная регионализация

Под макрорегионом понимается большая территориальная зона, объединяющая в группу несколько сопредельных государств или регионов, обладающих общими чертами и особенностями. Дифференциация мира на макрорегионы, как отмечают Й. Андел и его соавторы, используется для «легкого понимания» разделения глобального уровня на более крупные и максимально четко очерченные единицы, являющиеся внутренне однородными [Anděl, Vičík, Vláša, 2018].

Разделение мира на макрорегионы, включающие более мелкие субрегионы, использует Статистический отдел ООН для своих обследований и отражения тенденций регионального развития. Для этого была разработана геосхема мира, которая делит 249 стран и территорий на шесть макрорегиональных (Африка, Северная Америка, Южная Америка, Европа, Азия, Океания) и 22 субрегиональных группы.

Доминирующее экономическое положение в мировой экономике занимают три макрорегиона: Азия, которая, по оценкам экспертов ООН, за последние 40 лет в 2,5 раза увеличила свою долю в глобальном ВВП в номинальном выражении, а также Северная Америка и Европа, ухудшившие свои позиции (табл. 1).

Таблица 1. Изменение роли отдельных макрорегионов в глобальном ВВП

	1970 г.		2000 г.		2022 г.	
	Млрд долл.	%	Млрд долл.	%	Млрд долл.	%
Азия	516	15,07	9582	28,36	38005	37,69
Северная Америка	1235	36,07	11976	35,44	30162	29,91
Европа	1385	40,46	9708	28,73	23859	23,66
Южная Америка	117	3,41	1371	4,06	3858	3,83
Африка	117	3,41	673	1,99	2871	2,85
Океания	54	1,58	481	1,42	2081	2,06
<i>Мир</i>	<i>3423</i>	<i>100</i>	<i>33791</i>	<i>100</i>	<i>100835</i>	<i>100</i>

Источник: [IMF, UN (2024) List of continents by GDP], <https://statisticstimes.com/economy/continents-by-gdp.php>

Среди субрегионов по экономическому потенциалу выделяются «представители» трех ведущих макрорегионов. По оценке экспертов МВФ, в 2024 г. почти 3/4 глобального ВВП придется на Восточную Азию (25,63%), Северную Америку (16,88%), Южную Азию (10,92%), Западную Европу (7,22%), Юго-Восточную Азию (6,44%), Восточную Европу (5,55%) и Западную Азию (5,30%) [IMF, UN, 2024].

В то же время основаниями для макрорегиональной регионализации, кроме географического положения, могут быть другие важные факторы. П. Кальверт считал, что международный регион сможет успешно функционировать при следующих условиях:

устойчивости входящих в него государств, наличии общего языка хотя бы в части региона, цивилизационной близости и/или общей религии, наличии политической воли к сотрудничеству с целью укрепления международных позиций региона и участия в деятельности ООН [Calvert, 1994, p. 29, 30].

А.Д. Воскресенский выделяет несколько характеристик макрорегионов, которые могут рассматриваться как отдельные направления макрорегиональной регионализации: географические, историко-культурные, культурно-религиозные, геоэкономические и геополитические, международно-политические макрорегионы [Voskresensky, 2002, p. 139–142]. Это касается тяготеющих к главному центру притяжения территорий (например, Азиатско-Тихоокеанский регион, Прикаспийский регион, Балтийский регион).

В связи с развитием процессов глобализации вырабатывается новое понимание экономического макрорегиона в мировой экономике. Так, Л.З. Зевин выделяет международные экономические регионы как институты, выполняющие своеобразную посредническую функцию в преодолении резкой асимметрии между страновой спецификой и глобальной конъюнктурой [Zevin, 2016].

Во многом сходной точки зрения придерживается Б. Коллинз, рассматривающий международный регион не только как географическую единицу, но и как социальную систему с налаженным сотрудничеством в ряде сфер (безопасность, экономика, культура) и/или как функционирующий субъект с четкой идентификацией [Collins, 2010].

Такая позиция, помимо всего прочего, отражает тесную связь макрорегиональной регионализации с интеграционной регионализацией и геополитической фрагментацией, тем более что вследствие усиления конфликтности в мировой экономике, климатических и экологических вызовов происходит более быстрая консолидация государств на субрегиональном уровне, где создаются новые и укрепляются существующие институты сотрудничества.

Геополитическая фрагментация

Термин «фрагментация» широко используется в естественных науках, медицине, математике, программировании и т.п. Как отмечается в Большой российской энциклопедии, фрагментация – процесс, в результате которого нечто изначально целое оказывается разделенным на множество мелких частей, фрагментов [GRE, 2023]. Этот термин перекочевал в общественные науки, став синонимом регионализации (сегментации) мировой экономики и международных отношений.

В то же время трактовка термина «фрагментация» принципиально изменилась за последние годы в связи с ростом числа межгосударственных политических и военных конфликтов, а также с невиданным ранее расширением санкционных войн, ставших главными драйверами новой регионализации мировой экономики. Существуют различные базы данных по санкциям. Согласно одной из них, Базе данных глобальных санкций (The Global Sanctions Data Base), количество пакетов торговых, финансовых и туристических ограничений увеличилось в 2 раза в 2010–2019 гг. по отношению к предыдущему десятилетию, а в 2020–2022 гг. выросло еще в 1,5 раза, достигнув исторического максимума [Syropoulos et al., 2023, p. 29; Symachev, 2024, p. 13–14].

В 2023 г. все основные юрисдикции, вводящие автономные санкции, еще на более чем 10% расширили свои санкционные программы. Канада, Франция, ЕС, Швейцария и Великобритания приняли свыше 600 новых санкций, в то время как США – 2376, что немногим меньше, чем в 2022 г. [Vuksic, 2024].

Термин «фрагментация» приобрел политическое содержание и стал синонимом раскола единого целого экономического пространства, в результате возникло устойчивое словосочетание «геополитическая фрагментация». Как остроумно отметили эксперты ВСГ, торговля, которая когда-то формировала геополитику, теперь сама формируется геополитикой [Varadarajan, 2023]. Этой позиции придерживается и ряд других авторов. А. Грант и З. Хайдер подчеркивают, что сейчас мы живем в мире, где геополитика берет верх над рынками капитала [Grant, Haider, 2023].

Поэтому в данной статье предпочтение отдано термину «геополитическая фрагментация», который, на мой взгляд, точнее отражает суть этого процесса, подчеркивая особое значение политического аспекта в современных реалиях. Хотя в первом обстоятельном докладе экспертов МВФ по данной проблематике «Геоэкономическая фрагментация и будущее мультилатерализма» [Varadarajan et al., 2023] был предложен другой термин – «геоэкономическая фрагментация» (geoeconomic fragmentation – GEF), в дальнейшем во многих других научных работах стали использоваться оба эти понятия. Они близки по смыслу и фактически являются синонимами.

Такое толкование фрагментации было у С. Хантингтона. В своем фундаментальном труде «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка» при рассмотрении мировой системы международных отношений он использовал термин «фрагментация мирового порядка» [Huntington, 1996]. Подобный подход к фрагментации разделяют многие сторонники концепции «ядро – периферия»: И. Валлерстайн [Wallerstein, 2001], П. Нойманн [Neumann, 2008], Д. Лоренц [Lorenz, 1989]. В настоящее время понятию фрагментации стали отводить роль пространственного отражения границ противоборствующих блоков, в выделении которых приоритет имеют внешнеполитические факторы.

Современная геополитическая фрагментация в отличие от самой масштабной фрагментации, которая наблюдалась во второй половине XX в., имеет ряд принципиальных отличий:

- определяется прежде всего политическими соображениями, тогда как идеологические факторы не играют такой существенной роли, как в прошлом;
- опирается на более широкий и дифференцированный состав противоборствующих блоков;
- имеет динамичный и неустойчивый характер, может сопровождаться появлением новых волн конфронтации и их затуханием, что затрудняет определение отдельных противоборствующих блоков, в которых также могут возникать конфликты между некоторыми участниками;
- сочетается с наличием стабильных экономических связей или интеграционных союзов представителей разных противоборствующих блоков;
- происходит в более взаимосвязанном и взаимозависимом мире, где соотношение объема мировой торговли товарами и услугами и ВВП в 2023 г. составило 58% (в 2022 г. было почти 62%) по сравнению с 26% (1970 г.) в прошлой глобальной конфронтации;
- является достаточно условной из-за большого разнообразия национальных интересов значительно увеличившегося количества независимых государств, а также бурной технологической революции, не позволяющих создать относительно прочный «железный занавес», существовавший в разгар холодной войны – I.

Для характеристики геополитической фрагментации, особенно для количественной оценки ее влияния на глобальную экономику, принципиальное значение имеет состав противоборствующих блоков и критерии их выделения. Так, в геополитической фрагментации периода холодной войны – I один из противоборствующих блоков был

представлен социалистическими странами во главе с СССР. К концу распада социалистического блока, опиравшегося на марксистскую идеологию, насчитывалось 15 таких государств. В другой блок входили прежде всего 17 ведущих капиталистических стран во главе с США, которые в 1949 г., чтобы ограничить экспорт стратегических ресурсов и технологий в коммунистический блок, создали Координационный комитет по многостороннему экспортному контролю (КОКОМ). Он был расформирован в 1994 г. Эта фрагментация нанесла большой экономический ущерб, так как, по расчетам Р. Кампоса и соавторов, межблочная торговля удвоилась бы, если бы «железный занавес» был удален [Campos et al., 2024, p. 21].

Выбрать общий убедительный критерий для современной геополитической фрагментации, который позволил бы дать количественную оценку ее влияния на развитие мировой экономики, достаточно сложно. Во многих вышедших в 2022–2024 гг. публикациях по данной теме используются результаты голосований в ООН, которые в силу различных причин, включая политическую конъюнктуру, не вполне приемлемы для определения политической ориентации государства, особенно когда используются данные только одного голосования, привязанного к конкретной дате и одной проблеме. Поэтому подобное очень условное разделение на отдельные блоки государств можно назвать гипотетическим, применяемым только для формализации анализа текущей ситуации и построения виртуальных прогнозов ее развития с помощью инструментов математического моделирования.

В качестве примера можно назвать исследование экспертами МВФ и Банка Испании, в котором использовались результаты голосования по антироссийской резолюции Генассамблеи ООН от 7 апреля 2022 г., когда голосовавшие за ее принятие 93 государства были выделены в условный западный блок, против – 24 страны – в восточный блок, а 58 воздержавшихся – в нейтральный блок [Campos et al., 2023].

В другом исследовании экспертов МВФ, сфокусированном на торговой фрагментации, кроме геополитических учитываются экономические факторы – направленность торговых связей. В частности, среди 191 юрисдикции выделяются два блока – США – Европа+ (Блок I) и Китай – Россия+ (Блок II). При этом рассматриваются два варианта конфигурации обоих блоков: простая группировка и группировка с учетом главных торговых партнеров, что значительно меняет их состав. В конфигурации I в Блок I (США – Европа+) входят все страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны, за исключением Индии, Индонезии и стран Латинской Америки, которые отнесены к блоку Китай – Россия+. В конфигурации II страна попадает в блок США – Европа+, если она торгует больше с США и ЕС вместе взятыми, чем с Китаем и Россией вместе взятыми. В противном случае такая страна относится к блоку Китай – Россия+. Поэтому и меняются контуры фрагментации. В Блок I в конфигурации I была включена 51 страна, а их число в конфигурации II увеличилось до 126; соответствующие показатели для Блока II составили 140 и 65 стран соответственно [Alvarez et al., 2023].

Своеобразную методику оценки влияния геополитического фактора на разделение глобального экономического пространства предполагает концепция геополитического расстояния и географического расстояния. Под геополитическим расстоянием (*geopolitical distance*) понимается степень внешнеполитической, экономической, идеологической или иной близости или удаленности между входящими в анализируемую группу государствами, а географическое расстояние традиционно измеряется в километрах или милях между столицами соответствующих государств. Измерять геополитическое расстояние эксперты McKinsey Global Institute (MGI) предложили с помощью оригинальной методики, разработанной на основе систематизации протоколов голо-

сований в Генеральной Ассамблее ООН за 17 лет (2005–2022 гг.), но только по наиболее важным глобальным проблемам (была учтена 201 резолюция, что составляло 15% от всех принятых за данный период), то есть использовали результаты голосования в ООН, но с более релевантной базой данных. В результате анализа каждая голосующая страна получила свои баллы – от 0 до 10. Большинство стран с развитой экономикой, включая Германию, Японию, Южную Корею и США, были рейтингованы в диапазоне 0–2, в то время как Китай и Россия заняли позицию между 9 и 10. Проведенный по этой методике анализ показал, что с 2017 по 2023 г. Китай, Германия, Великобритания и США сократили геополитическую дистанцию своей торговли на 4–10%. Между тем экономики стран АСЕАН, Бразилии и Индии активнее торгуют как по всему геополитическому спектру, так и на больших расстояниях [Seong et al., 2024].

Для России логичным принципом разграничения глобального экономического пространства является разделение мира на так называемые недружественные и дружественные страны, основанием для которого является введение антироссийских санкций или присоединение к ним. Дружественные страны – это те, кто поддерживает Россию или занимает нейтральную позицию. Первый такой перечень стран, осуществляющих недружественные действия в отношении Российской Федерации, был утвержден Распоряжением Правительства от 5 марта 2022 г. и включал 48 стран (рис. 2) [Government of Russia, 2022]. Соответственно, на основании этого разделения можно выделить условный западный блок. В 2023 г. на него приходилось около 70% мирового ВВП.

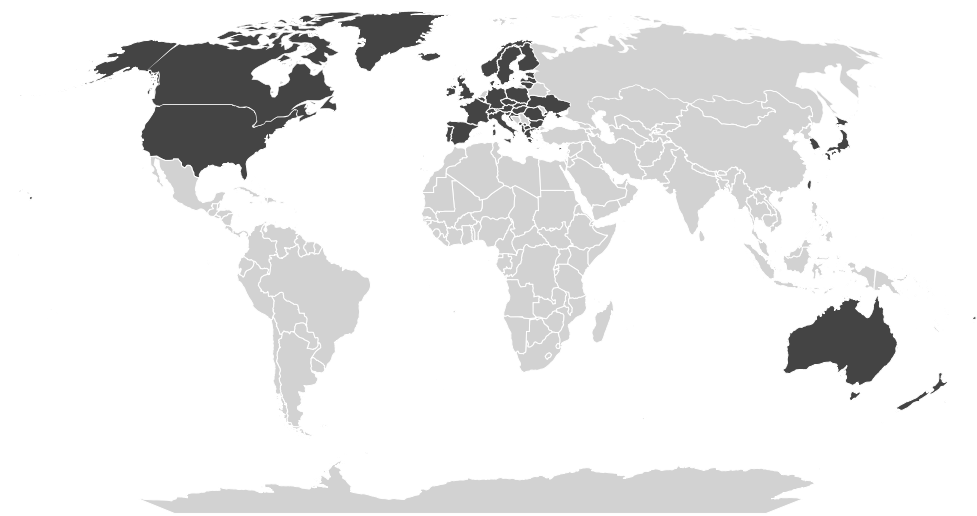

Рис. 2. Российский вариант фрагментации, март 2022 г.

Источник: составлено на основе данных [Government of Russia, 2022].

Попадание в российский список недружественных стран связано с различными мерами по свертыванию связей, в том числе с запретом или ограничением на ввоз/вывоз товаров, ограничением инвестиционных и валютно-финансовых операций, с разрывом соглашений об избежании двойного налогообложения и отказом от предоставления налоговых льгот, с запретом на покупку государственного и муниципального имущества для граждан и организаций недружественных стран и т.п.

Сложнее определить конфигурацию противоборствующего западному блоку, который условно можно назвать незападным (его часто именуют восточным, или Гло-

бальным Югом, противостоящим Глобальному Северу, что не совсем соответствует действительности). Дело в том, что любая геополитическая фрагментация не может иметь четкой и стабильной базовой линии разделения. Политические решения очень изменчивы, особенно в современных условиях глобальных трансформаций. Такая фрагментация часто зависит от меняющегося влияния отдельных партий и политических сил. Яркий пример – решение нового президента Хавьера Милея, отказавшегося в декабре 2023 г. от ранее согласованного вхождения Аргентины в БРИКС.

Подобные ситуации были и во время геополитической фрагментации во второй половине XX в., когда серьезные конфликты возникали между странами одного блока (СССР и КНР, СССР и СФРЮ, СССР и Албания). Региональные блоки в настоящее время еще более разобщены, что обусловлено различными экономическими интересами и подходами к безопасности отдельных членов и блоковых гегемонов [Dadush, Dominguez Prost, 2023].

Поэтому особо необходимо сказать о так называемых третьих странах, которые не присоединяются к американским и европейским санкциям и сами не находятся под санкциями. Это блок из 120 членов «Движения неприсоединения» (создано еще в 1961 г. из государств, не участвующих в военных блоках), на которых приходилось в 2022 г. 38% мирового ВВП (в 1990 г. было 15%). В них находятся 5 из 20 самых важных финансовых центров мира [The Economist, 2024].

В то же время этот блок крайне неоднороден, интересы входящих в него стран могут сильно различаться и будут меняться в новых реалиях. В частности, его экономический потенциал и материальная заинтересованность позволяют нейтральным странам благодаря использованию гибких финансовых схем, прежде всего офшорных финансовых сетей и логистических новаций, обходить санкции. Отдельные страны этого блока включились в интеграционные объединения государств западного и незападного блоков, и даже в их некоторые новые военные союзы. Это убедительно проявляется во ВРЭП, где существует либеральная ЗСТ стран из обоих блоков (Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия – западного, а Китай и 10 государств АСЕАН – незападного). Другой пример относится к формату «Четверки» (Quad) – Четырехстороннему диалогу по вопросам безопасности, куда наряду с США, Австралией, Японией входит лидер «Движения неприсоединения», участник БРИКС и ШОС Индия.

Bloomberg выделяет пять стран: Вьетнам, Польшу, Мексику, Марокко и Индонезию. Они могут получить выгоды в торговле и инвестициях в условиях геополитической фрагментации благодаря своей гибкой внешнеэкономической политике. Bloomberg называет их «связующими звеньями» между отдельными противоборствующими блоками [Bloomberg, 2023]. К этим «странам-мостам» могут быть добавлены и Индия, Турция, ОАЭ, Грузия, Казахстан, Киргизия, Армения, а также ряд офшорных юрисдикций.

В экономической теории этот феномен известен как эффект «логики арбитража» (logic of arbitrage): чем жестче искусственно созданные барьеры между двумя большими и привлекательными экономическими пространствами, тем больше выгоды для игроков, которые смогут каким-то образом преодолеть эти ограничения [Libman, 2024]. В биржевой торговле арбитражем называется стратегия одновременной покупки и продажи активов на разных рынках с целью получения прибыли от разницы цен. Эффект арбитража является важнейшим экономическим мотивом для проведения многовекторной политики в глобальной экономике.

В данной связи при анализе и прогнозе процессов новой геополитической фрагментации возникает необходимость рассматривать различные варианты и сценарии, что позволит учесть многие нюансы реальных процессов геополитической фрагментации.

Выводы

Проведенное исследование показало, что в настоящее время типология процессов регионализации глобальной экономики должна учитывать ряд новых тенденций, связанных с возвышением новых экономик и обострением международной конкуренции, усилением влияния политики на экономические решения и возрастанием фактора национальной безопасности, который становится приоритетным по сравнению с сообщениями экономической целесообразности. Это характеризует наступление нового этапа в региональной политике — этапа геополитического регионализма, а актуальным вектором развития теории региональной экономики становится современная геополитическая фрагментация, которая качественно отличается от традиционных типов регионализации, а также от геополитической фрагментации, существовавшей во второй половине XX в. Геополитическая фрагментация не замещает другие типы регионализации, но оказывает на них существенное влияние, так как ведет к серьезной перестройке межгосударственных взаимоотношений. В связи с этим перед каждым государством встает задача всестороннего переосмысления процессов регионализации и сложного поиска новых партнеров и союзников в политической и экономической сфере.

Геополитическая фрагментация имеет противоречивый характер, что во многом обусловлено возросшей ролью субъективных политических факторов и высокой степенью неопределенности перспектив развития. Это находит отражение в сложности установления четких границ между отдельными противоборствующими блоками и усилении роли многовекторности в политике отдельных государств, стремящихся получить выгоды от взаимодействия с разными союзами. Все это требует постоянного комплексного мониторинга геополитической фрагментации и анализа ее новых проявлений, а также взвешенной научной дискуссии по данной проблематике.

Появляется и новое направление для научных исследований — регионализация глобального *политического* пространства, которая тесно связана с современной геополитической фрагментацией, но имеет свою специфику, требующую привлечения соответствующих специалистов. Это еще одно общее поле для совместных работ экономистов и политологов.

Список источников (References)

Aiyar Sh. et al. (2023) Goeconomic Fragmentation and the Future of Multilateralism. Note SDN/2023/001 Washington DC: IMF. January. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2023/01/11/Geo-Economic-Fragmentation-and-the-Future-of-Multilateralism-527266>

Alvarez J., Andaloussi M.B., Maggi Ch., Sollaci A., Stuermer M., Topalova P. (2023) Goeconomic Fragmentation and Commodity Markets. IMF. Working Papers, no 201 (October). Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2023/09/28/Goeconomic-Fragmentation-and-Commodity-Markets-539614>

Anděl J., Bičík I., Bláha J. (2018) Concepts and delimitation of the world's macro-regions. *Miscellanea Geographica – Regional Studies on Development*, vol. 22, no 1, pp. 16–21. doi:10.2478/mgrsd-2018-0001

Cai K.G. (2010) Regionalism in the World Economy since the 1950s. *The Politics of Economic Regionalism*. London: Palgrave Macmillan. doi: 0.1057/978023

Calvert P. (1994) The International Policies of Latin America. *Political Studies*, pp. 29–30. Available at: https://books.google.ru/books/about/The_International_Politics_of_Latin_Amer.html?id=9kS8AAAIAAJ&redir_esc=y

Campos R.G., Estefania-Flores J., Furceri D., Timini J. (2023) Geopolitical fragmentation and trade. *Journal of Comparative Economics*, vol. 51, issue 4 (December), pp. 1289–1315. doi:10.1016/j.jce.2023.06.008

- Campos R.G., Heid B., Timini J. (2024) The economic consequences of geopolitical fragmentation: Evidence from the Cold War. 4 April, pp. 1–38. doi:10.48550/arXiv.2404.03508
- Collins B. (2010) Does Regionalism challenge Globalization or build upon it? 29 June. <https://www.studocu.com/ph/document/polytechnic-university-of-the-philippines/mechanical-engineering/does-regionalism-challenge-globalization-or-build-upon-it/10800607>
- Dadush U., Dominguez P.E. (2023) Preferential Trade Agreements, Geopolitics and the Fragmentation of World Trade. *World Trade Review*, vol. 22(2), pp. 278–294. doi: 10.1017/S1474745623000022
- Frankel J.A. (1998) The Regionalization of the World Economy. *Regionalism and Rivalry*. University of Chicago Press, pp. 1–6.
- Government of Russia (2022) The Government approved a list of countries and territories unfriendly to Russia. Order of March 5, no 430-r. (In Russian). Available at: <http://government.ru/news/44745/>
- Grant A., Haider Z. Geopolitical (2023) Risk: Navigating a world in flux. Available at: <https://www.mckinsey.com/capabilities/risk-and-resilience/our-insights/geopolitical-risk-navigating-a-world-in-flux>.
- Hettne B., Söderbaum F. (2000) Theorising the Rise of Regionness. *New Political Economy*, vol. 5, pp. 457–472. doi:10.1080/713687778
- Hoshiro H. (2019) Does regionalization promote regionalism? Evidence from East Asia. *Journal of Contemporary East Asia Studies*, vol. 8, no 2, pp. 199–219. doi: 10.1080/24761028.2019.1693944
- Hout W. (1996) Globalization, regionalization and regionalism: A survey of contemporary literature. *Acta Politica*, vol. 31, issue 2, pp. 164–181. Available at: <https://hdl.handle.net/1887/3450395>
- Huntington S. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
- International Monetary Fund World Economic Outlook (IMF), UN (2024) List of continents by GDP. Available at: <https://statisticstimes.com/economy/continents-by-gdp.php>.
- Keating M., Loughlin J. (1997) *The Political Economy of Regionalism*. London.
- Kheyfets B.A. (2019) New economic mega-partnerships and Russia. St. Petersburg: Aletheia. (In Russian).
- Kheyfets B.A. (2023) Cumulative model of international economic integration. *Contours of global transformations: politics, economics, law*, no 1, pp. 35–52 (In Russian). doi: 10.31249/kit/2023.01.01.
- Kostyunina G.M. (2020) Regionalism in the modern world economy: evolution and main ones. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University*, Series: International relations, no 2, pp. 303–317. (In Russian). doi: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317
- Kučerová I. (2008) A Response to Gradual Globalization: Regionalism, *Acta Economical Pragensia*, no 5, pp. 66–73. doi:10.18267/j.aop.163
- Lambrechts K., Alden C. (2005) Regionalism and Regionalization. *Palgrave Advances in Development Studies*. London Palgrave Advances, Palgrave Macmillan, pp. 288–312. doi:10.1057/9780230502864_14
- Lévy B. (2006) Emerging Countries, Regionalization, and World Trade. *Global Economy Journal*, vol. 6, issue 4, pp. 1–31. doi:10.2202/1524-5861.1217
- Libman A. (2024) Dynamics of Isolation in Conditions of Fragmentation: The Results of Two Years of the Sanctions Experiment. 4 June. <https://re-russia.net/en/expertise/0160/>
- Lorenz D. (1989) Trends towards regionalism in the world economy. *Treeconomics*, no 24, p. 64–70. doi: 10.1007/BF02928553
- Mansfield E. D., Milner H.V. (1999) The New Wave of Regionalism. *International Organization*, vol. 53, no 3, pp. 589–627. doi:10.1162/002081899551002
- Mikhailenko E.B. (2014) *“Old” and “new” regionalism: a theoretical debate*. Ekaterinburg: Ural University Publishing House. (In Russian).
- Militaru C., Athu C., Zafir A. (2012) Globalization Versus Regionalization. *Knowledge Horizons – Economics*, no 4, pp. 70–75. doi: 10.4324/978023064085.ch1

- Neumann P. (2008) *Fragmentation versus Unity of the World Economy*, Acta Economical Pragensia, pp. 70–89. doi: 10.18267/J.AOP.58.
- O’Neil Sh.K. (2022) *The Globalization Myth: Why Regions Matter*. Yale University Press.
- Seong J., White O., Birshan M., Woetzel L., Lamanna C., Condon J., Devise T. (2024) *Geopolitics and the geometry of global trade*. McKinsey & Company, January. Available at: <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/geopolitics-and-the-geometry-of-global-trade#/>
- Söder Baum F. (2015) *Early, Old, New and Comparative Regionalism*, KFG Working Paper, no 64.
- Solis M., Stallings B., Katada S. (2009) *Competitive Regionalism: FTA Diffusion in the Pacific Rim*. Palgrave Macmillan.
- Spartak A.N. (2017) Metamorphoses of the regionalization process: from regional trade agreements to inter-regional projects, *Contours of global transformations: politics, economics, law*, no 4, pp. 13–37. (In Russian). doi: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37
- Sumaches Yu.V., Faumuina A.A., Kuzyk M.G., Yurevich M.A., Gordon N.A., Tishchenko A.O. (2024) *Mir v labyrinth sankcij: promyshlennaja politika an pereput'e. Dok lad NIU VShJe* [The World in the Labyrinth of Sanctions: Industrial Policy at a Crossroads. Report of HSE], Moscow: HSE Publishing House (in Russian). Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/918374160.pdf>
- Syropoulos C., Felgercarb G., Kirilakha A., Yalcin E., Yotov Y.V. (2023) The Global Sanctions Data Base – Release 3: Covid-19, Russia, and Multilateral Sanctions. *Review of International Economics*, 10 June. doi: 10.1111/roie.12691
- Telò M. (2017) *Regionalism in Hard Times – Competitive and post-liberal trends in Europe, Asia, Africa, and the Americas*. Abingdon: Routledge.
- Telò M. (2001) *Introduction: Globalization, New Regionalism and the Role of the European Union*. doi: 10.4324/9781315202419
- The Economist (2024) Russia outsmarts Western sanctions – and China is paying attention, 21 February. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2024/02/21/russia-outsmarts-western-sanctions-and-china-is-paying-attention>
- The Great Russian Encyclopedia (GRE) (2023) Available at: <https://bigenc.ru/c/fragmentatsiia-fe47dc?ysclid=ls7canc6s5135981032> (In Russian).
- Varadarajan R., Wang G., McAdoo M., Gilbert M. (2023). The Unwinding of Global Tech Supply Chains. BCG, 23 March. Available at: <https://www.bcg.com/publications/2023/the-unwinding-of-global-tech-supply-chains>
- Voskresensky A.D. (2002) Regional subsystems of international relations and regions (towards the formulation of the problem). *East – West – Russia*. Moscow: Progress, pp. 139–142.
- Vuksic S. (2024) Year in Review: How Sanctions Changed in 2023 with 17 charts. *Castellum.AI*. Available at: <https://www.castellum.ai/insights/2023-sanctions-year-in-review>.
- Wallerstein I. (2004). *World-Systems Analysis: An Introduction*, Duke University Press. Available at: <https://doi.org/10.2307/j.ctv11smzx1>
- Wang Z., Sun Z. (2021) From Globalization to Regionalization: The United States, China, and the Post-Covid-19 World Economic Order. *Journal of Chinese Political Science*, pp. 69–87. doi: 10.1007/s11366-020-09706
- Xianhai Ji. (2021) *Mega-regionalism and Great Power Geo-Economic Competition*. London: Routledge. doi:10.4324/9781003177067
- Zevin L.Z. (2016) Megaregiony v Globalizirujushhemsja Hozhajstve [Megaregions in a globalizing economy]. *World economy and international relations*, vol. 60, no 8, pp. 26–33. (In Russian). doi:10.20542/0131-2227-2016-60-8-26-33P

Geopolitical Regionalism and New Regionalization of the World Economy

B.A. Kheyfets

Boris A. Kheyfets – Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics, RAS; 32 Nakhimovskiy Prospect, Moscow, 117218, Russia; bah412@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6009-434X

Abstract

The article analyzes the role of modern geopolitical fragmentation in the regionalization of the global economic space. The research logic is based on the analysis of changes in the theory of regionalization in connection with tectonic transformations in the world economy and politics. A new stage in the development of regionalism, which is called geopolitical regionalism, has been identified, and the methodology for identifying types of regionalization of the world economy has been clarified. Types such as traditional regionalization, based on direct contractual formats of economic integration (integration regionalization), which is determined primarily by economic factors, are considered in more detail; regionalization based on macroregions and subregions (macroregional regionalization), in which the dominant factor is geographic location, and fragmentation caused by political factors (geopolitical fragmentation) and leading to the division of the global economic space into separate opposing blocs of states. Various methodological approaches to identifying separate geopolitical blocs are considered, including the use of a new criterion – geopolitical distance, that shows the degree of foreign policy proximity or distance between the states included in the analyzed group. Unlike other types of regionalization, geopolitical fragmentation is a serious challenge for the global economy as it leads to the collapse of global ties, a fundamental change in existing global value chains and a weakening of the international regulatory system. This requires constant monitoring of geopolitical fragmentation and analysis of its new manifestations as well as a balanced scientific discussion on this issue.

Keywords: regionalism, regionalization, geopolitical fragmentation, global economic space, geopolitical distance, opposing blocs

For citation: Kheyfets B.A. (2024) Geopolitical Regionalism and New Regionalization of the World Economy. *International Organisations Research Journal*, vol. 19, no 4, pp. 7–22 (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2024-04-01